

Елена ГАВДЗИНСКАЯ

# «Три привидения из «Белого сердца», или Зарисовки в стиле кантри

Я очень люблю Лондон. Лондон — это потрясающе! Трафальгарская площадь, Вестминстерский мост, здание Парламента, набережные, окутанные утренним туманом, и площадь Пикадилли, сверкающая вечерними огнями, со знаменитой парящей фигуркой Эроса в центре, под которой начинают свидания все влюбленные. Знаменитые красные автобусы, виртуозно лавирующие по узким улицам, розы, цветущие в парках и скверах зимой, богатство музейных коллекций, всемирно известные выставки, шопинг-центры, улыбающиеся прохожие. Лондон — это вечный праздник!

Но несмотря на всю мою пылкую любовь к помпезной столице Англии, мое сердце все же принадлежит совсем другому, особенному миру Великой старой Британии. Этот удивительный сказочный мир — английские деревни. Здесь время останавливается, ты не ощущаешь, что наступает завтра или проходит неделя, напротив, ты возвращаешься в прошлое. Вряд ли найдется деревушка, через которую не проезжал бы какой-нибудь король или знаменитый рыцарь. Каждый уголок дышит историей, колокольным звоном древних церквей, из века в век плывут мистические сказания, а в старых пабах шалют неугомонные привидения. Домики с красными черепичными крышами утопают в цветах. А вокруг изумрудные, желтые, сиреневые поля, голубые бескрайние дали, вышитые разноцветными узорами лужайки, речушки, журчащие о чем-то о своем, и птицы, парящие в хрустальном воздухе, нарушают тишину своими трелями, воспевая тихую нежную красоту этой земли.

\*\*\*

В Сакселби, графства Линкольншир, мы приехали, когда уже сгустились сумерки. Сидя у камина с традиционной чашкой английского чая, приятно было расслабиться после долгой дороги. Степанная дверь в сад была приоткрыта, с полей доносился запах свежескошенной травы. За забором, увитым плющом, среди деревьев виднелся силуэт башни старой церкви. На фоне синего неба он казался сказочной крепостью. "Сейчас начнут звонить колокола, — предупредил хозяин дома, — звонить будут час, не знаю, как ты к этому отнесешься". "Замечательно", — ответила я.

Привыкнув к нашему православному оглушительно мажорному звону, я приготовилась услышать нечто подобное. Несмотря на то, что церковь находилась рядом, звон раздался как бы издали, вернее, это был не звон, а нежная мелодия, светлая, волнующая, она плыла в тишине, едва касаясь крон деревьев. Звон внезапно смолк, но через несколько секунд новая мелодия взлетела в вечернее небо, наполняя сердце радостью и покоем. Звучала волшебная музыка колоколов, призывая нас к любви и добру, и в этот момент казалось, что все в нашем мире будет прекрасно. Одна композиция сменяла другую, но ни разу не повторилась дважды, и только когда последние звуки мягко растаяли на засыпающих полях, я почувствовала, что время остановилось, природа замерла, боясь вспугнуть неосторожным дуновением ветерка эту благодать, оставленную нам вечерним звоном колоколов.

\*\*\*

Неподалеку от нашего дома стояло старое заброшенное здание из красного кирпича. Огромное дерево со сломанными высохшими ветками крепко держало его в своих объятиях. Вход во двор почти зарос кустарником и представлял собой маленькую зеленую арку из сплетенных между собой ветвей. Похоже, что в деревушке этот дом уже давно никого не интересовал. В надежде найти какой-нибудь интересный мотив для этюда, исцарапанная колючками и искусанная крапивой, я очутилась во дворе таинственного дома. Двор скорее напоминал дикое поле — бурьян по пояс, видно было, что нога человека не ступала сюда уже давно. Некогда красивое здание смотрело на меня безжизненными окнами, от них веяло печалью и одиночеством. Одно стекло было разбито, очевидно, от удара брошенного камня. В нем зияла черная дыра, от которой кривыми лучами расходились трещины, как будто кто-то непрошено ворвался в чью-то тихую жизнь, искалечил ее и исчез навсегда.

Утопая в высокой траве, я осторожно прошла к окну. На подоконнике стояла оставленная кем-то стеклянная пивная кружка, пустая бутылка, по которой, о чем-то размышляя, медленно бродил паук, лежала рядом. Напротив дома из кустов выглядывало маленькое строение с забавной покосившейся крышей, когда-то здесь жил лохматый сторож, охранявший покой этой усадьбы. Под дряхлым навесом лежали останки мебели, дырявая кухонная утварь, куски ржавого железа. Среди этогохлама белела чудом уцелевшая садовая скульптура мальчика, державшего над головой круглую вазу для цветов.

Пробравшись через дремучие сорняки под навес, я с трудом вытаскала фигурку из-под реликвий некогда бывшей ключом чьей-то жизни. Очистив маленькую статую от земли и паутины, я поставила ее на траву посреди двора. Малыш смотрел на меня круглыми добродушными глазами, единственный немой свидетель разыгравшейся здесь жизненной драмы. Освещенная мягкими лучами предзакатного солнца, его белая одинокая фигурка еще больше подчеркивала печаль и заброшенность этой усадьбы. Работать мне расхотелось, я вернулась и с легкой грустью пошла домой.

К ночи похолодало. Забарабанил по стеклам дождь. Ветер заскулил, застонал, застучал ветками по крыше, напоминая, что осень вошла в свои права. Закрыв форточку, я посмотрела на улицу. За окном было мокро, темно и пустынно, а в гостиной холодно и неудобно. Пришлось разжечь камин.



И вдруг я вспомнила про малыша, который сейчас стоит один под дождем, в заброшенном темном дворе. Сердце мое сжалось, как будто я оставила там маленькое живое существо. Схватив зонт, в комнатных тапочках я выскочила из дома, добежала до старого особняка, преодолевая страх и мокрые колючие ветки, быстро пробралась во двор, схватила фигурку мальчика и бросилась бегом назад, крепко, как живого, прижимая к себе малыша.

Сейчас у моих друзей в Сакселби, в красивом саду стоит маленькая белая скульптурка — малыш, держащий над головой круглую вазу с цветами. Он улыбается, ему нравится его новая жизнь.

\*\*\*

Солнце золотыми лучами пробивалось сквозь развалины старой крепости, бросающей длинную фиолетовую тень на холм, по которому извилистой лентой спускалась к реке дорога. Мы возвращались из Йорка, где замечательно провели воскресный день.

— Эх, — мечтательно произнес Пол, — сейчас бы чашечку чая с яблочным пирогом...

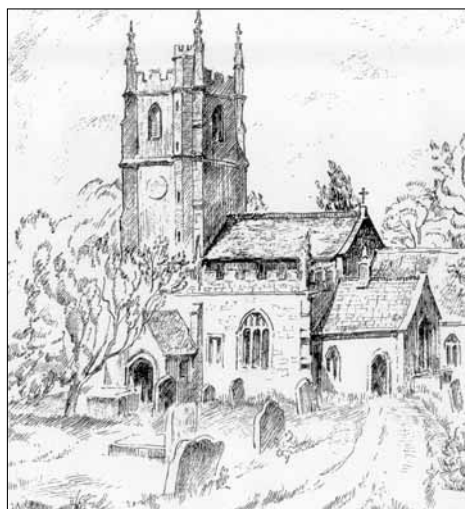
Мы свернули на дорогу, ведущую к Сакселби, и машина поплыла между полями, освещенными теплым заходящим солнцем.

— А вот и яблочный пирог! — воскликнула я, увидев стоящие вдоль дороги яблони, увешанные красными яблоками. — Давай немного наберем.

Яблоки были красивые, но по вкусу немного уступали нашим родным с Привоза. Правда, для пирога были в самый раз. Набив карманы куртки яблоками, я в приподнятом настроении села в машину. Через несколько минут мы въехали в маленькую деревушку. На фермерском доме белела вы-

веска с надписью "Свежие яйца, 1 фунт за дюжину". "Стоп! — закричала я Полу. — Давай возьмем, и не нужно будет заезжать в магазин".

Пожилый фермер, получив свой фунт, с улыбкой вынес нам две коробочки с нарисованными на них цыплятами. Было очень приятно купить свежие яйца, можно сказать, прямо из-под курочек, и в два раза дешевле, чем в супермаркете. Я почувствовала себя business woman, заключившей крупную сделку. Яблоки — даром, яйца почти даром, но прелести английской деревенской жизни были еще впереди.



Вскоре между деревьями показалась колокольня знакомой церкви, мы подъезжали к Сакселби. Здесь меня поджидал очередной сюрприз. В начале улицы перед домом, увитым розовым кустом, стоял изящный деревянный столик, покрытый белой скатертью. На столе были аккуратно разложены пять кулчков с помидорами, рядом стояла тарелка с несколькими монетами. На белом листе бумаги каллиграфическим почерком было выведено: "Помидоры 50 пенсов за фунт". Цена символическая. Нет, сегодня просто какой-то день везения! Я выскочила из машины с зажатым в кулаке полтинником. Монета стукнула о тарелку, а я стала обладательницей красных, пахнущих попом помидоров.

Нужда ехать в магазин отпала, и мы свернули на узкую улочку, ведущую вверх, к церкви. Можно было возвращаться домой. Но не тут-то было. На слезущем повороте прямо на траве стояла большая плетеная корзина, наполовину наполненная медовыми розовоокими сливами. Надпись на куске фанеры гласила: "Сливы даром. Только, пожалуйста, оставьте корзину".

— Боже мой! Как чудесно жить в английской деревне, — думала я, переключивая сливы в один из полиэтиленовых пакетов, которые лежали рядом с корзиной, предусмотрительно оставленные забытыми хозяевами слив.

\*\*\*

Очень ценю англичан за их отношение к животным. В Англии я не встречала ни одной бродячей собаки или кошки. К лошадям они относятся с особенной любовью. В деревнях их заводят, как собак, и держат при доме для собственного удовольствия. Если нет возможности поселить лошадей рядом с собой, их отдают на воспитание фермерам, а по уик-эндам приезжают к своим любимцам, чтобы провести с ними выходные, покатаются верхом, доставить удовольствие детям.

В один из теплых сентябрьских дней мы ехали по узкой заасфальтированной дороге, выходящей между полей, в поисках мотивов для пейзажей. Через несколько минут на солнце блеснула голубая лента реки, три высоких дерева живописно отражались в воде, а по обе стороны дороги, отгороженной от полей старой деревянной изгородью, паслись кони.

"Боже мой, какая красота! Останови, пожалуйста, машину", — попросила я своего друга Пола. Мы остановились на обочине. Выйдя из машины, я подошла к забору и позвала лошадей. К моему удивлению, они наперегонки бросились ко мне и, поочередно тыча мордами мне в руку, как бы просили их приласкать. "Они скучают по людям, — пояснил мой спутник, — им нужно общение, а они целыми днями бродят одни по лугам".

С противоположного поля к дороге подошел огромный белый конь — мощный тяжеловоз с густой длинной гривой и лохматыми ногами — и тоже потянулся к нам. Я не смогла устоять перед его обаянием и почесала его за ухом. Конь демонстративно повернулся ко мне крупом, как бы говоря: "Вот тут очень чешется, только я не достаю". Я начала скрести его чуть повыше хвоста, и тут у этого могучего красавца от удовольствия начали дрожать и подгибаться задние ноги, как у моего спаниеля, когда ему чешут бок. Всем своим весом он медленно осел на ветхую изгородь, которая, в свою очередь, начала заваливаться на меня. "Прекрати! — закричал Пол. — Сейчас забор упадет!" Пришлось массаж немедленно прекратить и оставить коня в полном разочаровании.

Наш джип вновь понесся по серпантинной дороге между полей, лугов и садов, мянущих спелостью тяжелых красивых яблок. Через минут пятнадцать мы подъехали к старой ферме. Через дорогу, напротив, в поле, я вновь увидела лошадей. Они лениво пощипывали траву, явно наслаждаясь жизнью. Неподалеку стояло длинное одноэтажное здание со множеством маленьких окошек. Все это хозяйство было ограждено забором с кованой надписью на железных воротах — "Horse house". "Это дом для старых лошадей, — пояснил Пол. — Когда они становятся слабыми и больными, здесь их кормят, лечат. Днем они пасутся на природе, а вечером идут спать в стойла. И так они живут доя своей естественной смерти".

На лугу, благоухающем ароматным разнотравьем, почтенные пенсионеры мирно принимали солнечные ванны, периодически помахивая хвостами, прогоняя назойливых осенних насекомых.

Одна из лошадок стояла чуть поодаль. Несмотря на теплый день, она была покрыта попоной. Очевидно, у нее были проблемы со здоровьем.

\*\*\*

Но что за прекрасная жизнь у свиней Туманного Альбиона! На огромном поле процветает удивительное государство. Свиноарники английских пигги больше напоминают правительственные дачи. Каждая свинка имеет собственное угодие, около 20 кв. м, невысокий заборчик из легкой проволоки не позволяет соседкам без приглашения в гости. На свинчатой вилле имеется персональный полукруглый дом, похожий на разрезанную пополам консервную банку, о который можно, повизгивая от восторга, долго тереться боком, личная кормушка и шикарная лужа, в которой можно лежать медитировать, забыв о собственных детях, резающихся в зеленой траве. В отличие от своих упитанных мамаш, поросята легко пролазят под проволокой и, собиравшись в детсадовские группы, путешествуют с одного участка на другой. На таком поле проживает около двухсот свиней. А каждая свинка имеет в среднем до пятнадцати поросят. Зрелище удивительное, забавное, незабываемое.

\*\*\*

Мы подъезжаем к маленькой деревушке с амбициозным названием "Ньютон-на-Тренде". Моросит мелкий дождик, и мы уже слегка опаздываем на встречу в друзьями, которые пригласили нас поужинать в паб "Белое сердце", славившийся там хорошей английской кухней. Когда мы подъехали к месту встречи, наши приятели уже сидели за столиком у входа в паб под большим зеленым зонтом и, ожидая нас, с покрасневшими от сырости носами допивали свои бокалы пива.

Подул промозглый ветер, и мы поспешили войти в маленький уютный ресторан. Паб "Белое сердце" представлял собой небольшой вытянутый в длину двухэтажный дом с крошечными окошками. Второй этаж, служивший отелем, был настолько низким, что казалось, постояльцам там приходится ходить, согнувшись в три погибели. Древняя черепичная крыша, побеленные стены с традиционными цветочными корзинами — в общем-то, ничего особенного по сравнению с рядом стоящими сказочными домиками, с изысканно милой архитектурой в стиле кантри. Но...

Паб "Белое сердце" был построен в 1600 году. Он находится между Шелфилдом и Линкольном, и служил гостиницей для из-

возчиков. Здесь останавливались кареты, и путники могли отдохнуть, чтобы с новыми силами отправиться в путь. В подвале этого дома преданные английскому престолу люди прятали короля Чарльза I от солдат Оливера Кромвеля. Об этом нам поведал хозяин "Белого сердца" Питер Хогдан.

Итак, мы сидели в уютном баре, в мягких кожаных креслах, попивая кто вино, кто пиво, кто кофе, беседовали с Питером в ожидании, когда нас пригласят к ужину.

Ресторан от бара был отделен огромным старинным камином, потемневшим от времени, с замысловатой чугунной решеткой. На просмоленном деревянном выступе тускло мерцали медные блюда с изображением всевозможных гербов, птиц и животных, которыми в Англии традиционно по праздникам украшали конскую сбрую. Сухие букетики полевых цветов, фарфоровые фигурки, старые куклы, пивные кружки, всевозможные колокольчики — все это висело, стояло, лежало на камине, придавая ему вид старого антикварного магазина.

Через несколько минут из-за камина выплыла хозяйка и пригласила нас пройти в ресторан. Обогнув камин, мы оказались в зале, разделенном на две части аркой из разноцветного кирпича. Тусклые светильники, мягко освещающие столы и стулья с высокими резными спинками, рисовали загадочные тени на стенах, увешанных маленькими картинками и фотографиями. В арке друг напротив друга висели два овальных зеркала с прикрепленными к основанию подсвечниками. Пламя свечей, отражаясь в зеркалах, придавало залу таинственный и мистический вид. Нас пригласили к столу, над которым на веревке болталась какая-то кукла.

Изрядно проголодавшись, мы с удовольствием принялись за ужин. Зазвенели хрустальным звоном бокалы, фарфор откликнулся на торопливое прикосновение вилок и ножей. В этот же момент над нашими головами раздался отвратительный хохот. Я взглянула вверх, — хохотала кукла. Кукла представляла собой ведьму на метле, с мерзкой гримасой на зеленом лице, с пшеничными волосами. На ней был надет черно-изумрудный парчовый плащ и такой же колпак с волнистыми полями. Эта игрушка реагировала на звон посуды сатанинским смехом. Мы, как дети, наперебой начали колотить вилками по тарелкам — ведьма отвечала нам леденящим душу хохотом.



Подошел Питер, поинтересовался, довольны ли мы ужином. "О! — засмеялся Пол. — Эта ведьма у вас, как привидение". "Привидение? — оживился хозяин. — Но у нас в "Белом сердце" действительно живут привидения. Я позову сейчас жену, она вам лучше расскажет об этом, чем я. Диана! — крикнул Питер. — Иди сюда, расскажи, пожалуйста, о наших привидениях".

Двери распахнулись, и из кухни выпорхнула Диана. Набрав полную грудь воздуха и придав лицу таинственное выражение, она начала говорить без запинки, как человек, который в сотый раз рассказывает одну и ту же историю.

Паб "Белое сердце" слыл беспокойным местом с давних времен. Питер и Диана приобрели этот дом четыре года назад, и старые хозяева предупредили их, что в доме живут привидения — три пожилые леди, которые на протяжении многих лет время от времени являются на светлые



очи посетителей паба. Старушки имеют нрав весьма шаловливый и причиняют немало беспокойства хозяевам дома. Став владельцами "Белого сердца", супруги Хогдан смогли убедиться в этом сполна. Периодически в доме начинают твориться беспорядки — чистые стаканы падают с полки, бокалы с пивом ездят по столу, в зале ресторана вдруг одна за другой начинают гаснуть только что зажженные свечи, раздаются звонки в дверь — а за дверью никого, в пустых комнатах по ночам скрипят половицы.

Однажды хозяйка пригласила в "Белое сердце" миссис Дженет Дент, почтенную даму, пользующуюся большим уважением в кругу медиумов. Когда ушли последние посетители, паб закрыли, и за стол в ресторане сели семь человек: миссис Дент, Питер, Диана, пара близких друзей и прислуга. Ровно в полночь спиритический сеанс начался. Старушка вошла в транс, стол затрясся, и лежавшие на нем предметы закружились по часовой стрелке. Внезапно ледяной ветер пронесся по залу, пламя свечей задергалось в дикой пляске, и миссис Дент вошла в контакт с призраками. Как оказалось, привидений было не три, а четыре. Помимо трех милых старушек существовал еще некий злой и неприветливый пожилой мужчина. На вопрос медиума, кто он такой, старик ответил, что его зовут Закарайя, и он умер от туберкулеза. Миссис Дент сообщила этой призрачной компании, что пришла помочь им вернуться в их мир и перестать маяться на бренной земле, на что Закарайя категорически заявил: "Я не хочу уходить, мне нравится здесь". Старые леди скромно промолчали.



После встречи с Дженет Дент привидения немного поутихли, перестала разбиваться посуда и падать предметы, но звонки в дверь и странные звуки в пустых комнатах продолжают продолжаться. Диана поведала нам, что две недели назад в "Белое сердце" приезжали специалисты по паранормальным явлениям. Они остались на ночь, расположили микрофоны в спальнях, на лестнице, в пабе и на специальном оборудовании записывали звуки, нарушающие ночную тишину дома. В конце этого месяца радио Линкольна будет делать программу о привидениях, живущих в пабе "Белое сердце" деревушки Ньютон-на-Тренте графства Линкольншир.

Было около одиннадцати ночи, когда мы вышли на улицу. Сев в машину, я бросила прощальный взгляд на небольшой домик, белеющий в темноте. На втором этаже в крошечном окошке загорелся теплый оранжевый свет.

Маленький уголок истории, хранящей страхи и переживания Чарльза I, сколько благородных рыцарей и простолюдинов нашли приют в этих стенах в промозглые, дождливые осенние вечера! Сколько веселых свадеб было сыграно в старом пабе, и сколько разбитых сердец покидало по утрам гостиничные номера! Счастье, трагедии, драмы — сколько всего повидал этот маленький дом за четыре столетия? Сколько тайн хранят его стены?

Я еще раз взглянула на "Белое сердце", сквозь рваную тучу голубоватый свет луны упал на темное окно, и мне показалось, что, чуть-чуть отодвинув занавеску, маленькая старушка в старомодной шляпке помахала мне рукой.

Саксели, Линкольншир

## Вера САРАНЦЕВА

# Лужа

Возомнила лужа себя океаном. "Я океан! Я океан!" — с упоением повторяла лужа. Налетавший порой ветерок создавал видимость волн на поверхности лужи. И тогда она раздувалась от важности и выходила из своих берегов. Мальчишки сооружали из бумаги пароходики и прибегали к луже поиграть в океан. И наша лужа вновь раздувалась от чувства гордости и собственной значимости. "Глупые мальчишки, — думала лужа, — ведь они не понимают, что с океаном шутки плохи — недолго и до кораблекрушения".

Порой в ночное время кто-то случайно

вступал в лужу, пугаясь от неожиданности и бормоча при этом: "Да тут целый океан!" — что приводило лужу в неопишуемый восторг. "То-то же, — думала она, — с океаном на "ты" не получится".

В теплые весенние дни к луже прилетали воробьи на водопой и весело бултыхались в прохладной воде. "Пейте, пейте из меня воду, — снисходительно думала лужа, — в океане вода неиссякаема".

Наступило лето. Палящие лучи солнышка за несколько дней иссушили лужу, на месте которой не осталось и капли воды.

## Лада ПРОКОПОВИЧ

# ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Редактор газеты "Всемирные одесские новости" позвонил мне как раз в тот момент, когда я переставляла оловянных солдатиков. Эта небольшая коллекция стоит на книжной полке. Вытаскивая книгу "Похождения бравого солдата Швейка", я задела гусара, сидящего на лошади. Пытаясь правой рукой усадить гусара обратно в седло, левой я держала телефон и слушала Евгения Михайловича.

— На днях выходит очередной номер газеты, — говорил он, — и если у вас есть рассказ ко Дню Победы, вы можете успеть поместить его в этом номере.

— Да нет, — с сожалением сказала я. — На эту тему я ничего не пишу. Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано о той войне?..

Мы еще немного поговорили, и я вернулась к своим солдатикам. Усадив, наконец, гусара на лошадь, поправив ему кивер, я вдруг заметила, что среди воинов разных эпох стоят фашисты. Два немецких офицера и один солдат. Я совсем забыла об их существовании... Лет десять назад нам их подарил друг. Не подарил даже, а просто оставил как образцы продукции его фирмы. "Сейчас они пользуются бешеным спросом", — заметил он. "А Советская Армия?" — спросила я. "Чуть меньше, — последовал ответ. — У них форма не такая эффектная".

Как лезвием полоснуло по уху "у них"... Но я ничего не сказала. И не стала спорить с конъюнктурой рынка, а взяла и поставила подарочных вояк в самый темный угол полки. Пускай там сверкают своими автоматами и начищенными сапогами.

И вот сегодня они все-таки попались мне на глаза. Только что-то не больно эффектно они сегодня сверкают... Я пригляделась и увидела на них толстый мохнатый слой пыли. "Пыль веков", — пронеслось в голове. Но что-то мешало принять эту формулу... Нет, не веков... Это — пыль возмездия. Ведь на других-то войнах — войнах-защитниках — ни пылинки!

Господи! Если бы можно было любую войну припорошить пылью! Припорошить в самом ее начале, в зародыше, когда она только вызревает в мозгах очередных алчных безумцев... Смех Вольтера погасил костры инквизиции. Может быть, когда-нибудь и войны будут погашены смехом солдата Швейка и пылью с моих оловянных солдатиков... Во всяком случае, мы со Швейком будем стараться!

## Ольга ПОЧТАРЕНКО

Не ищи ты меня в полутьме,  
Я всей правды тебе не скажу,  
Лишь три строчки оставлю в письме,  
Я его на буфет положу

И пусть капли слетают с щеки,  
Слишком поздно горюешь, забрось.  
Заплели пауки узелки,  
Значит, вечно мы жить будем врозь.

И поеду гулять по весне  
В те края, где не встретишь меня.  
Приходи ко мне лучше во сне  
На закате весеннего дня.

Пусть гитары порвется струна,  
Зазвонит под аккорд тишины,  
Уезжаю, прощай, старина,  
И себя ни в чем зря не вини.

## Николай ШАПАРЕВ

# Ворчунки

В рассуждениях умных этих,  
несомненно, есть банальность:  
Раз признали бесконечность,  
быть должна и безначальность.

\*\*\*

Печать объяли мутные туманы.  
В них колдуны, гадалки и шаманы.

\*\*\*

Прекраснобедрая, мила ты, просто страх,  
И в черной юбке, и в тугих штанах.

Красиво пеликан парил,  
но всем вдруг стало жарко,  
И каждый небеса молил,  
чтоб не было подарка.

\*\*\*

Что ж, старомоден я, не очень актуален:  
Одну лишь букву "н" пишу я в слове Таллин.

Чувствителен подчас укол простой иглой,  
Но памятной всегда боль от иглы тупой.

\*\*\*

Ни дня без строчки! Что одна строка?  
Скажу смелей: Ни дня без ворчунка!

Матерый матершинник,  
коварный Губерман  
В концерте сделал даму  
всю красной без румян.

\*\*\*

Ворчанье — золото, кто в этом усомнится?  
Готов всегда ворчать, когда ворчит.

У зависти лицо прискорбно и печально,  
На всех и на себя в обиде изначально.

\*\*\*

Все едят ее глазами, все дыханье затаили:  
Выступает перед нами Нина Ананишвили.

С Плетнёвым Спиваков  
2-ой Концерт играли

\*\*\*

В неделю раза два, признаюсь по секрету,  
Наркотики я пью: читать берусь газету.

Чайковского  
в совсем замороженном зале.